

МИХАИЛ ФЕДЧЕНКО

НАРКОМ ВООРУЖЕНИЯ БОРИС ВАННИКОВ

1940 год принял эстафету двух предыдущих лет по ускоренному развитию народного хозяйства и особенно тех отраслей, которые связаны с укреплением обороны страны.

Как и прежде, главной заботой партии и правительства были ведущие отрасли промышленности: угольная, металлургическая, машиностроительная и нефтяная. Потребности страны в угле, металле, станках, машинах и нефти с каждым годом росли. Металл, топливо и электроэнергия в большом количестве требовались оборонной промышленностью.

Сложившаяся к этому времени главная военно-промышленная база размещалась на линии Ленинград–Москва–Тула–Брянск–Харьков–Днепропетровск. Здесь находились основные военные заводы.

Угроза нападения требовала сделать в 3-й пятилетке (1938–1942) всё возможное для создания второй военно-промышленной базы, недоступной для ударов авиации противника. Такая база создавалась в районе Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Здесь расширялась угольно-металлургическая база, нефтяная – между Волгой и Уралом. Ускоренными темпами строились новые и расширялись старые оборонные и другие заводы, создавались предприятия-дублёры. К началу войны в восточных районах страны находилась почти пятая часть всех военных заводов (Вдовин А. И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011, с. 172).

“В те годы, – пишет Б. Л. Ванников, – для всей промышленности главные задачи состояли не только в увеличении объёма и повышении качественного уровня производства, но и в коренном изменении дислокации предприятий... Страна готовилась к возможной войне на два фронта” (Ванников Б. Л. Мемуары. Воспоминания. Статьи. М., 1997, с. 74).

На всех заводах оборонной промышленности СССР создавались мобилизационные запасы специального металла, металлургических заготовок, полуфабрикатов (заделов), других материалов, сырья и инструмента, необходимых для изготовления соответствующей военной продукции.

ФЕДЧЕНКО Михаил Алексеевич родился в 1946 году на Среднем Урале. В 1979 году окончил заочно Московский государственный историко-архивный институт. В течение 37 лет работал заместителем начальника и начальником архива ФГУП “Российского федерального ядерного центра ВНИИ экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ)”. С 2015 года на пенсии. Почётный ветеран предприятия. Живёт в г. Сарове Нижегородской области.

В сельском хозяйстве также учитывались задачи укрепления обороноспособности страны. Расширялись посевы технических культур (сахарной свёклы и, в первую очередь, хлопка, необходимого для производства взрывчатых веществ), велись работы по расширению посевных площадей в Сибири и Казахстане. К началу 1941 года были созданы значительные продовольственные резервы. И всё же, несмотря на наметившуюся стабилизацию в развитии сельского хозяйства, оно не обеспечивало всё возрастающих потребностей городского населения в продуктах питания, одежде и обуви. Промышленность испытывала недостаток в сырье: хлопке, шерсти, коже.

У государства было много неотложных дел. На всё сразу не хватало ни сил, ни средств. Надо было спешить. Международная обстановка не давала времени на раскачку.

Приоритет отдавался развитию оборонной промышленности, часто в ущерб остальным отраслям. Например, если ежегодный прирост всей промышленной продукции в мирные годы 3-й пятилетки составлял в среднем 13%, то оборонной – 39%. Ряд машиностроительных и других крупных заводов был переведён на производство военной техники (Вдовин А. И. Указ. соч., с. 172).

Общая линия партии и правительства в перевооружении Красной армии накануне войны была направлена на увеличение количества автоматического стрелкового вооружения, улучшение артиллерийских систем, создание новых образцов танков и самолётов.

Развёртывание работ на предприятиях Наркомата оборонной промышленности СССР, созданного в 1936 году, сопровождалось рядом существенных недостатков. Это длительный период освоения производства новых образцов вооружений и боевой техники, боеприпасов к ним, а также неразвитая система кооперации с родственными предприятиями гражданских промнаркоматов. Эти и другие причины в условиях расширения военного производства привели к необходимости принятия партией и правительством решения о разукрупнении наркомата.

11 января 1939 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О разделении Наркомата оборонной промышленности СССР» создаются 4 самостоятельных общесоюзных специализированных наркомата: авиационной промышленности (М. М. Каганович), судостроительной (И. Ф. Тевосян), вооружения (Б. Л. Ванников) и боеприпасов (И. П. Сергеев). Каждый из них представлял собой целостный производственно-технологический комплекс по изготовлению соответствующей военной продукции.

Народный комиссар (наркомат) вооружения СССР возглавил Борис Львович Ванников – опытный и волевой организатор промышленности, талантливый инженер-механик, выпускник МВТУ им. Н. Э. Баумана, занимавший до этого пост замнаркома оборонной промышленности СССР. Его назначение состоялось в день выхода Указа после 25-минутной встречи со И. В. Сталиным в кремлёвском кабинете; это была вторая встреча, первая состоялась 31.05.1935 года, когда Борис Львович был директором Тульского оружейного завода. (На приёме у Сталина. Тетради /журналы/ записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008, с. 580).

В марте этого же года 41-летний нарком вооружения Б. Л. Ванников, член партии с 1919 года, в составе большой московской партийной организации (208 делегатов) участвует в работе XVIII съезда ВКП(б). На съезде принимается третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР и ряд других важных решений. В частности, в отчётном докладе секретаря ЦК И. В. Сталина было сказано: «Новая империалистическая война стала фактом». Раз так, то перед партией и правительством в области внешней политики ставилась задача «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» и «всемерно укреплять боевую мощь Красной армии и Военно-Морского Красного флота» (отчётный доклад ЦК ВКП(б) XVIII съезду. М., 1939, с. 15). На съезде из наркомов выступили А. Н. Косыгин (текстильпром), В. А. Малышев (тяжмаш) и А. И. Шахурин (авиапром). Здесь же произошло омоложение партийно-хозяйственных кадров. В состав ЦК, минуя стаж кандидата в члены ЦК ВКП(б), были избраны Н. А. Вознесенский, Б. Л. Ванников и другие наркомы, недавно назначенные руководителями. Новые наркоматы (накануне съезда их стало 34 вместо 15) возглавили бывшие производственники (такой

кадровый подход во многом предопределил силу советской промышленности, включая военную. — М. Ф.) (Чалмаев В. А. Малышев. М, 1978, сс. 94, 97, 103). Партия и правительство готовили новое поколение руководящих кадров к грядущим испытаниям. В Европе и на Дальнем Востоке уже зрели очаги будущей войны.

Огромный объём работы и персональной ответственности на высоком посту наркома вооружения не пугали Б. Л. Ванникова. Его заместителями были опытные, высококвалифицированные специалисты, прошедшие, как и он, школу заводской руководящей работы: В. М. Рябиков (первый заместитель), И. А. Барсуков, П. Н. Горемыкин (с 03.03.1941 — нарком боеприпасов), И. А. Мирзаханов, А. Н. Сергеев и другие.

В структуре наркомата вооружения к этому времени находилось 14 артиллерийских заводов, 9 заводов по производству стрелкового вооружения, 8 патронных заводов и 12 оптико-механических — всего 43, а также 8 НИИ и КБ, 4 строительных треста, 8 институтов и 13 техникумов. (Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР 1920–1950 годы... М., 1996, сс. 40, 159). Все заводы подчинялись Главным управлениям (ГУ) наркомата.

Немногим известно, например, что боеприпасы для стрелкового и некоторых видов авиационного вооружения, а также для противотанковых ружей изготавливал не Наркомат боеприпасов, а Наркомат вооружения. Этим занимался патронный главк.

Шефство над “хозяйством” Б. Л. Ванникова осуществлял председатель Госплана СССР, зампредседателя СНК СССР Н. А. Вознесенский (он же председатель Хозяйственного совета оборонной промышленности).

В структуре военной промышленности особое место занимала промышленность (наркомат) вооружения — детище индустриализации СССР. Эта отрасль зарождалась, когда других видов вооружения не было. Ко времени появления новых танков и самолётов старые артиллерийские и оружейные заводы после модернизации представляли собой уже крупные комплексные объединения, имеющие своё металлургическое и машиностроительное производство, хорошо оснащённое оборудованием, преимущественно импортным, с опытными, устоявшимися кадрами специалистов и рабочих.

Среди таких заводов были артиллерийские — ленинградские “Большевик” и им. М. И. Калинина, киевский “Арсенал”, Мотовилихинский им. В. И. Ленина (г. Пермь), сталинградский “Баррикады” — и оружейные — Тульский и Ижевский. В предвоенные годы они играли основную роль в оснащении Красной армии и флота всеми видами артиллерийского и стрелкового вооружения до введения в строй новых заводов (Оружие победы. / Под общ. ред. В. Н. Новикова. М., 1987, с. 40).

Одновременно с модернизацией старых артиллерийских и оружейных заводов велось строительство новых. При этом был взят курс на максимальное развитие заводов со своей базой специальной металлургии. “Потребности металлургии вооружения, — вспоминает Б. Л. Ванников, — удовлетворялись в первую очередь. Для этого выделялись крупные средства, лучшее отечественное и импортное оборудование” (с. 84).

Например, построенный незадолго до войны новый артиллерийский завод №92 (г. Горький, ныне — Н. Новгород) имел мощную металлургическую и машиностроительную базу, а также специальное конструкторское бюро ствольной артиллерии (директор — А. С. Елян, главный конструктор — В. Г. Грабин).

Реконструкции подверглись многие заводы, в том числе крупнейший на Урале Ижевский оружейный завод-гигант, где работало 50 тысяч человек. В начале 1939 года по решению Правительства и соответствующему приказу Наркомата вооружения он был разделён на два завода: машиностроительный №74 и металлургический №71. Оба завода были рядом и находились под “крышей” Наркомата вооружения. Вспоминает бывший главный инженер оружейного завода, с февраля 1939 года, директор Ижевского машиностроительного завода №74 с июля 1941 года, а в годы войны — замнаркома вооружения, Герой Социалистического Труда (1942) Владимир Николаевич Новиков: “Обсуждали всё терпеливо... хотя проблем было много... Объём реконструкции, даже по современным масштабам, был значительным и оценивался на нашем заводе в один миллиард двести миллионов рублей”.

Реконструкция огромного завода не могла остаться без внимания наркома вооружения Б. Л. Ванникова. Владимир Николаевич продолжает: “Вскоре после разделения завода к нам приехал Борис Львович Ванников. Он побывал на машиностроительном заводе, затем на металлургическом... Борис Львовичу на заводе многое понравилось... Нарком дал ряд полезных советов. Главным было сокращение трудоёмкости винтовочного производства, совершенствование технологии, улучшение условий труда, рост его производительности... “Не забывайте, — говорил Ванников, — о быте рабочих, улучшайте жильё и питание. Смелее развивайте подсобные хозяйства...” Как нарком вооружения Ванников, конечно, прикидывал, что потребуется в военное время, и, посещая завод за заводом, смотрел не только на то, как налажено дело, а думал о резервах...” (Новиков В. Н. Накануне и в дни испытаний: Воспоминания. М, Политиздат, 1988, сс. 21, 25, 27).

В это время централизованное снабжение рабочих и служащих оборонных и других предприятий важных для страны отраслей продуктами питания дополнялось продуктами, полученными с подсобных хозяйств. Поэтому неслучайно Б. Л. Ванников обратил внимание руководства двух ижевских заводов на имеющиеся резервы. Через год, 7 сентября 1940 года выйдет Постановление партии и правительства “Об организации подсобных хозяйств... на предприятиях в городах и сельской местности”, сыгравшее важную роль в улучшении продовольственного снабжения рабочих и служащих предприятий в военное и послевоенное время.

Б. Л. Ванников не был кабинетным руководителем. Он часто посещал заводы, встречался не только с руководством, но и с инженерами, мастерами и рабочими, пытаясь таким образом понять истинное положение дел. Он не связывал инициативу людей, а когда надо, решительно вмешивался, помогал выйти из сложного положения. Обладая интуицией инженера, энергично поддерживал новые начинания. Его характерной деловой чертой была тяга к новому, к совершенствованию технологического процесса производства. Борис Львович умел спросить и потребовать, но делал это в уважительной форме. Организаторский и инженерный талант Ванникова способствовал росту его авторитета. Небольшой штрих к этому. “...При той огромной ответственности, что лежала на его плечах, человеком он был весёлым, любил пошутить... Манера общения наркома, — вспоминает В. Н. Новиков, — создавала обстановку непринуждённости, что помогало в решении сложных вопросов” (с. 37).

По решениям партии и правительства была создана мощная материально-техническая база Наркомата вооружения, включая конструкторские бюро (КБ) и научно-исследовательские институты (НИИ). В её создание и развитие, подготовку и воспитание квалифицированных кадров — руководителей, инженеров, рабочих — немалый вклад внёс Борис Львович, будучи в 1936 году начальником Главного артиллерийского и танкового управления Наркомата оборонной промышленности СССР, а с 1937 года — замнаркома.

В те годы заводы военной промышленности были своего рода локомотивом развития других отраслей народного хозяйства. Так, заводы Наркомата вооружения, имея хорошую материально-техническую базу, не только обеспечивали текущие заказы армии и флота, но и изготавливали лучшие в стране станки для предприятий ряда отраслей народного хозяйства. Металлургическое производство крупнейших артиллерийских заводов — “Большевик” (Ленинград), “Баррикады” (Сталинград), Мотовилихинский им. В. И. Ленина (Пермь) — обеспечивало высококачественными поковками, штамповками и специальным металлом не только заводы своего наркомата, но и турбиностроение, судостроение, горное машиностроение и другие гражданские отрасли (Ванников Б. Л. Указ. соч., с. 81; Оружие победы. Указ. изд., с. 42). Металл был основой, “хлебом” для производства военной и гражданской продукции.

Руководство наркомата вооружения придавало большое значение укреплению производственной базы заводов, в том числе закупкам оборудования за границей. Такая возможность появилась при заключении германо-советского торгово-кредитного соглашения от 19 августа 1939 года. Германия предоставляла Советскому Союзу кредит в размере 200 млн марок на 5 лет для закупки станков и оборудования в основном для военного производства.

Для реализации этого соглашения Москву (30 сентября—8 октября 1939 года) посетил руководитель реорганизованного немцами чехословацкого

концерна “Шкода”* Громадко. Он встречался с нашими наркомками Б. Л. Ванниковым (вооружения) и И. Ф. Тевосяном (судостроительной промышленности). Советской стороне были предложены гаубицы, зенитные и морские пушки, оборудование, станки и прессы для стрелкового и артиллерийского вооружения и многое другое в обмен на советские поставки железной и марганцевой руды, железа, стали, никеля и других стратегических материалов, а также продовольственных товаров. Германия поставляла оборудование и машины, а Советский Союз главным образом стратегическое сырье. К концу 1940 года поставки с немецкой стороны становились всё более неаккуратными.

Можно не сомневаться в том, что по упомянутому выше соглашению Б. Л. Ванников как крупный специалист-оборонщик отобрал для наркомата всё самое необходимое, насколько позволяли выделенные средства. Возможно, тогда и состоялась его встреча со Сталиным (без него такие вопросы не решались. — М. Ф.), когда Борис Львович в конце заметил: “Если станки не будут своевременно заказаны, то в случае войны золото их не заменит. Наркомат внешней торговли получил указание обеспечить закупку станков для заводов вооружения. И они были закуплены”. Эти и часть других воспоминаний Б. Л. Ванникова цитируются в книге В. Н. Новикова (см. указ. соч., с. 385).

Сделаем небольшое отступление и заметим, например, что инициатива в заключении советско-германского договора о ненападении сроком на 10 лет от 23 августа 1939 года принадлежала Германии, а не Советскому Союзу. Договор был подписан только после того, как СССР не смог договориться с Великобританией и Францией о создании системы коллективной безопасности в Европе. Появилась возможность в условиях мира готовиться к неминуемой схватке с фашизмом. Правда, сейчас об этом как-то не принято говорить. При этом следует учесть, что первым документом было уже упомянутое торгово-кредитное соглашение от 19 августа, а последним — договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года (Вдовин А. И. Указ. соч., с. 166–167).

Вот как оценивал подписание документов “давний друг” СССР премьер-министр Великобритании У. Черчилль в своих воспоминаниях: “... Пакт о ненападении и секретное соглашение были подписаны поздно вечером 23 августа... Оба сознавали (Гитлер и Сталин. — М. Ф.), что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами... Если их политика (Советов. — М. Ф.) и была холодно-расчётливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной” (Черчилль У. Вторая Мировая война. / Пер. с англ. В 6 тт. М., 1955. Т. 1, с. 355–358).

В то время и до начала войны 22 июня 1941 года под воздействием необходимости между Советским Союзом и Германией шла “большая игра” (выражение В. Молотова). Её вели руководители этих стран так, как умели. Летом 1940 года Франция капитулировала. Обстановка кардинально изменилась. Оценивая её, И. В. Сталин говорил осенью 1940 года военному советнику при китайской армии генерал-лейтенанту В. И. Чуйкову, будущему маршалу Советского Союза (1955): “Не надо думать, что после поражения Франции западные соглашатели уйдут со сцены... Они каждую минуту готовы пойти на новые уступки, лишь бы агрессор повернул своё оружие против Советского Союза” (Чуйков В. И. Миссия в Китае. Новый мир. 1979. № 11, с. 202).

Надо сказать, что неизбежность войны с Германией отчётливо осознавалась партийно-государственным руководством страны и подавляющей частью советского народа. Вот лишь несколько свидетелей событий того времени. Один из друзей Б. Л. Ванникова А. И. Шахурин пишет: “К тому времени, когда меня назначили наркомом авиапромышленности (10.01.1940. — М. Ф.), было совершенно ясно, что войны нам не избежать. Никто не ошибался и в отношении предполагаемого противника. Это могла быть только Германия” (Шахурин А. И. Крылья Победы. 2-е изд., доп. М., 1985, с. 47).

Н. К. Байбаков, замнаркома нефтяной промышленности с 1940 года, нарком с 1944-го, вспоминает: “Страна спешно и упорно готовилась к неизбежной схватке с фашизмом, и военный аспект был определяющим в развитии нашей отрасли. Это мы обсуждали на строго закрытых совещаниях у Сталина: вещи

* Чешские заводы выполняли советские военные заказы еще до германской оккупации Чехословакии. Она имела высокоразвитое военное производство и занимала первое место в мире по экспорту новейших вооружений.

назывались своими именами (естественно, протоколы не велись. — **Прим. авт.**)” (Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М., 1998, с. 51).

“Партия и правительство, — вспоминает видный советский конструктор артиллерийских систем, Герой Социалистического Труда (1940) В. Г. Грабин, — готовили страну к обороне. Мало кто был посвящён в это дело ввиду строжайшей его секретности, но мы знали — работа велась неустанно и последовательно изо дня в день...” (Грабин В. Г. Оружие победы. 2-е изд. испр. М., 2000. — С. 120).

Замначальника Оперативного управления Генштаба Красной армии А. М. Василевский, впоследствии маршал Советского Союза, как военный эксперт в составе советской делегации (председатель В. М. Молотов), посетившей 9–13 ноября 1940 года Берлин, пишет: “Все члены делегации вынесли общее впечатление от поездки: Советский Союз должен быть, как никогда, готов к отражению фашистской агрессии...” (Василевский А. М. Дело всей жизни. 5-е изд. М., 1984, с. 90).

В это время ряд отраслей народного хозяйства — металлургическая, химическая промышленность, электроэнергетика и сельское хозяйство, — от которых зависело развитие военного производства, ещё не удовлетворяли в полной мере потребностей страны.

Наряду с этим “наиболее слабыми местами советской экономики в предвоенные годы, — пишет известный российский ученый-историк, профессор А. И. Вдовин, — была низкая квалификация большинства рабочих и инженерно-технических работников основных отраслей экономики... плохая организация труда и низкое качество продукции” (с. 179). Быстрый рост промышленного производства, особенно военного, оснащённого новым оборудованием, не обеспечивался нужным количеством квалифицированных кадров рабочих и ИТР.

Б. Л. Ванников пишет: “...темпы подготовки рабочих, особенно квалифицированных, а также инженеров, техников и хозяйственников не обеспечивали новых потребностей.

...Недостаток квалифицированных производственных руководителей восполняли за счёт неопытных работников, поэтому на заводах, особенно на новых, были различные производственные и организационные неполадки, а также простои и даже аварии.

...Всё это вызывало текучесть рабочей силы и массовые прогулы. В лучшем положении находились предприятия оборонной промышленности, где был установлен ряд льгот, хотя текучесть могла захватить и их” (с. 69).

Для исправления такого положения в условиях нарастающей военной опасности партия и правительство принимают ряд дополнительных жёстких мер мобилизационного характера. Среди них наиболее важными были указы Президиума Верховного Совета СССР:

— от 26.06.1940 года “О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений”;

— от 10.07.1940 года “Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями”;

— от 02.10.1940 года “О государственных трудовых резервах СССР”.

По последнему указу устанавливалась новая система организованной подготовки рабочих кадров. Предусматривалось ежегодно подготавливать для промышленности от 800 тысяч до 1 млн человек молодёжи, обученных производственным профессиям в ремесленных и железнодорожных училищах, а также в школах ФЗО (История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 тт. Т. 1. М., 1960, с. 419).

Со второй половины 1940 года рабочий режим промышленных предприятий становится ещё более жёстким. Если в 1939 году опоздание на работу на 20 минут без уважительной причины считалось прогулом, то теперь за это рабочий мог быть осуждён на шесть месяцев “условно”: он продолжал трудиться на своём месте, но у него вычитали до 25% заработка в пользу государства (ст. 5 Указа от 26.06.1940).

Упомянутые меры имели непосредственное отношение и к оборонной промышленности. Проект закона о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с работы обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) с участием

наркомов – членов ЦК. (Б. Л. Ванников был членом ЦК ВКП(б) с марта 1939 года. – М. Ф.)

После справедливой критики Сталина в адрес руководителей наркоматов и заводов Б. Л. Ванников вспоминает*: "...Как и мои коллеги, ныне покойные В. А. Малышев, А. И. Ефремов, И. Ф. Тевосян, В. В. Вахрушев, я отчётливо понял, что наше умение руководить нужно непрестанно совершенствовать и что ключом к решению всех задач производства является забота о людях, создание благоприятных условий их труда" (с. 70). Такого подхода к работникам Борис Львович придерживался всегда: и будучи затем наркомом боеприпасов СССР с 16.02.1942 года и наркомом атомпрома (начальником ПГУ при /СНК/ СМ СССР) с 20.08.1945 года.

В те годы, благодаря агитационно-массовой работе партийных и профсоюзных организаций, в промышленное производство (большинство профессий были мужскими) всё больше стало вовлекаться женщин. Для них создавались соответствующие условия труда и быта. Так постепенно создавался резерв рабочих кадров на военные годы.

К началу 1941 года меры принуждения наряду с мерами убеждения и поощрения возымели действие. Трудовая и производственная дисциплина на большинстве предприятий и в учреждениях улучшилась, как и работа всей промышленности страны. Большинство советских людей с пониманием отнеслись к мероприятиям партии и правительства по укреплению трудовой и производственной дисциплины.

В 1939–1941 годах принимается ряд постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) об увеличении производства новых типов боевых самолётов, танков, артиллерийского и стрелкового вооружения, кораблей военно-морского флота, организации производства литой многослойной брони, развития промышленности искусственного жидкого топлива и пр.

Среди этих постановлений партии и правительства, недавно рассекреченных, такие, как "О производстве танков Т-34 в 1940 г.", "Об увеличении выпуска самолетов и авиамоторов на период август–декабрь 1940 г." и "О плане военных заказов на 1941 г. по вооружению" (все имели гриф "Сов. секретно. Особой важности"). Постановления подписаны секретарём ЦК ВКП(б) И. Сталиным и председателем СНК СССР В. Молотовым.

Позже вышел ещё ряд постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б): "О программе выпуска самолётов и авиамоторов в 1941 г.", "О производстве танков Т-34 в 1941 г."

Обращаем внимание читателя на первый документ. Решение о принятии танка Т-34 на вооружение было принято после долгих колебаний в конце 1939 года (постановление Комитета обороны при СНК СССР от 19.12.1939 № 443), а серийное производство началось спустя пять месяцев (с июня 1940).

По постановлению от 07.06.1940 года должно быть изготовлено в 1940 году 600 танков Т-34, из них 500 штук – на Харьковском, остальные 100 – на Сталинградском тракторных заводах. Всего на 01.01.1941 года было изготовлено 115 штук на Харьковском тракторном заводе (за невыполнение плана и других решений Правительства нарком Средмаша А. И. Лихачёв был снят с должности (Ильинский И. Великая Отечественная война: правда против мифов. "Наш современник". 2016. № 5, с. 137–138).

Возможно ли было такое положение в условиях, когда Сталин жёстко требовал и лично контролировал вопросы принятия на вооружение новых образцов вооружения и боевой техники и их серийного производства? Оказывается, возможно.

Невольно напрашивается вопрос, в чём причина затяжки с началом серийного освоения нового танка Т-34, другой техники и вооружения и кто в этом виноват? Ответ находим в уже упомянутом шеститомном труде "История Великой Отечественной войны..." (см. указ. изд.), где критически оценивается деятельность военного ведомства. Процитируем часть текста:

"...принятие на вооружение новых образцов и их внедрение в производство протекали недопустимо медленно. Руководящие работники Наркомата обороны не поняли настоятельной необходимости оснастить Вооружённые

* Часть воспоминаний Б. Л. Ванникова "Записки наркома вооружения" впервые была опубликована в Военно-историческом журнале за 1962 год, в № 2.

Силы СССР новейшей военной техникой и не смогли разобраться в представленных на их рассмотрение образцах.

...Заместители наркома Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис и Е. А. Щаденко, которым партия и правительство специально поручили работу по оснащению Вооружённых Сил СССР новой военной техникой, снимали с производства старые образцы, но подолгу не решались одобрить новые” (с. 415).

Начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) Наркомата обороны, замнаркома обороны, маршал, Герой Советского Союза (1940) Г. И. Кулик, да и другие “конники” – Ворошилов, Будённый, Шаденко, – “болели” старой болезнью, догматически цеплялись за опыт гражданской войны, когда не было ни автоматов, ни миномётов, ни многого другого. И только резкая критика “конников” Сталиным по итогам советско-финской войны на совещании высшего командного состава РККА 14–17 апреля 1940 года в ЦК ВКП(б) начала менять положение в руководстве вооружёнными силами. Здесь же Сталин впервые назвал артиллерию “богом войны”. В мае 1940 года наркомом обороны назначается маршал Советского Союза С. К. Тимошенко вместо К. Е. Ворошилова (стал председателем Комитета обороны при СНК СССР).

Советско-финская война многое изменила не только в руководстве Красной армией. С учётом её опыта сразу же было принято решение о создании танковых корпусов, новых видов вооружения и ряд других мер. Партия и правительство в ускоренном темпе начали готовить армию к современной войне.

Устаревшие взгляды на методы ведения войны были основной, но не единственной причиной отставания в перевооружении Красной армии и флота новой боевой техникой и вооружением (учитывались возможности экономики).

Например, к началу войны было произведено всего 1861 новый танк и 2739 самолётов, что составляло от 8 до 10% от их общего парка. Новой техники могло быть произведено больше. Довоенные заказы не полностью загружали мощности военной промышленности, в том числе и заводов вооружения. Многие заводы работали в одну смену. Экономика страны находилась на мирных рельсах. (Канун и начало войны: Документы и материалы. / Сост. Киршнер Л. А. Л., 1991. с. 25–26).

Вернёмся к постановлению, которое приводится ниже с небольшим сокращением:

“Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР “Об увеличении выпуска самолётов и авиамоторов на период август–декабрь 1940 г.” от 27 июля 1940 г. №1668–583сс.

...1. Утвердить постановление Комитета обороны при СНК СССР “Об увеличении выпуска самолётов и авиамоторов...”.

2. Обязать народных комиссаров: Чёрной металлургии – тов. Тевосяна И. Ф., <...> Вооружения – тов. Ванникова Б. Л. – <...> взять под личное особое наблюдение выполнение заказов для Авиационной Промышленности за период август–декабрь 1940 года и обеспечить их выполнение в количествах и сроки в соответствии с утверждённым постановлением Комитета обороны при СНК СССР (дата и номер не указаны. – М. Ф.).

3. Обязать первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов Харьковской, Днепропетровской... областей:

а) взять под личное особое наблюдение выполнение заказов авиационной промышленности на всех заводах, поставляющих Наркомавиапрому материалы, оборудование, полуфабрикаты и прочие изделия;

б) оказать всестороннюю помощь заводам Наркомавиапрома в выполнении программы второго полугодия 1940 года и освоении новых машин... комплектованием рабочей силы и усилением партийно-массовой работы на предприятиях Наркомавиапрома.

Секретарь Центрального комитета ВКП(б) И. Сталин
Председатель Совета Народных Комиссаров
Союза ССР В. Молотов”

В тексте документа отсутствуют количественные показатели военной продукции. Вероятно, они в приложении к п. 1 (не публикуется). Заметим также, что важность выполнения государственного задания подчёркнута словами “взять под личное особое наблюдение”. Ответственность за его выполнение возлагалась, в первую очередь, персонально на наркомов различных отраслей народного хозяйства (их фамилии в п. 2–19 человек). В это время

спрашивали строго, порой даже жестоко, если это касалось вопросов обороны страны.

Постановление опубликовано в сборнике рассекреченных архивных документов “1941 год”: В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л. Е. Решин и др. / М.: Межд. фонд “Демократия”, 1998. С. 132–133.

Из перечня вооружения, представленного в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) “О плане военных заказов на 1941 год”, видна огромная работа, проделанная руководством и специалистами Наркомата вооружения, его конструкторскими организациями и НИИ совместно с Наркоматом обороны в 1938–1940 годах не только по разработке новых образцов оружия, но и по принятию их в серийное производство. Одновременно широко велись работы по модернизации штатного вооружения, как пишет Б. Л. Ванников, “начиная от винтовки, кончая средней и тяжёлой артиллерией” (с. 50). Созданное в эти годы стрелковое и артиллерийское вооружение по своему качеству не уступало, а по ряду данных превосходило вооружение капиталистических армий.

Партия и правительство высоко оценили самоотверженный труд создателей нового артиллерийского и стрелкового вооружения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.10.1940 видные советские конструкторы В. А. Дегтярёв, Ф. В. Токарев (стрелковое вооружение), В. Г. Грабин, И. И. Иванов, М. Я. Крупчатников (артиллерийские системы), Б. Г. Шпильный (авиавооружение) были удостоены звания “Герой Социалистического Труда (Грабин В. Г. Указ. соч., с. 11).

По этому указу высокой награды были удостоены также конструкторы А. С. Яковлев (самолёты), А. А. Микулин и В. Я. Климов (авиадвигатели) в области самолётостроения, одной из самых молодых отраслей промышленности. Здесь трудились талантливые конструкторы и инженеры А. Н. Туполев, А. С. Яковлев, С. В. Ильюшин, С. А. Лавочкин, А. И. Микоян, В. М. Петляков и другие. Возглавляемые ими коллективы создали новые боевые самолёты Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2 и другие.

В целом успешно, хоть и с задержками, развивалось и танкостроение. Талантливыми конструкторами М. И. Кошкиным, Н. А. Кучеренко, А. А. Морозовым, Ж. Я. Котиним, Л. И. Горлицким и др. и их коллективами были созданы средний танк Т-34 и тяжёлый КВ (признаны лучшими боевыми машинами Второй мировой войны).

Немногим читателям известно, например, что упомянутые выше учёные, конструкторы, другие видные специалисты, руководители и организаторы производства, работавшие на оборону страны, долгие годы, а порой и навсегда, оставались неизвестными (в таком положении находился Б. Л. Ванников). Их рабочие будни, да и праздники, проходили в обстановке строгой секретности. И лишь узкий круг людей, в основном коллеги по работе, знали их имена, трудовые достижения и награды. Так было в те и последующие годы не только в нашей, но и в других странах.

Уже в эти годы шло незримое, острое состязание научно-технической мысли, производственных возможностей экономики и организаторских способностей руководящих кадров двух противоположных социальных систем. В итоге, несмотря на громадные трудности и вопреки прогнозам и надеждам реакционных сил, как показали дальнейшие события, Страна Советов это состязание выиграла.

Наркомат вооружения обеспечивал авиационные и танковые заводы пушечным и стрелковым вооружением. Нарком авиапромышленности, Герой Социалистического Труда (1941) А. И. Шахурин вспоминает: “Все наркоматы работали сплочённо, дружно.

... Наиболее близок в этот период я был с народным комиссаром вооружения Борисом Львовичем Ванниковым. Ему подчинялись опытно-конструкторские бюро, разрабатывавшие авиационное вооружение, а также заводы, выпускавшие для нас пулемёты, пушки, бомбы и реактивные снаряды.

... На прежних самолётах ставили только пулемёты, а теперь их вооружали пушками и реактивными снарядами, понятно, почему споров между самолётчиками и вооруженцами было немало... Однако претензии разрешались быстро. И только иногда иногда работники наркомата просили меня переговорить с Борисом Львовичем. Я звонил ему по телефону и рассказывал о наших затруднениях, а он спокойно отвечал:

— Хорошо, выясню.

Больше к этому вопросу мы, как правило, не возвращались” (с. 97–98). Деловитость и высокий профессионализм Б. Л. Ванникова не остались незамеченными в конструкторской среде.

Главный конструктор КБ артиллерийского завода №92 В. Г. Грабин пишет: “Ванников добился, чтобы нам разрешили самостоятельно вносить необходимые изменения в чертежи и технические условия. Это значительно ускорило дело. Гаубицу мы доработали. Завод к концу 1940 года программу выполнил...”

В. Г. Грабин продолжает: “...Человек, на редкость сведущий в артиллерии, разбирающийся в специфике артиллерийской техники, вдумчивый, масштабный руководитель. Это вселяло надежду, что нарком поддержит наше КБ в реализации новых планов.

И я не ошибся...”

“Борис Львович Ванников многие годы был нашим надёжным союзником в борьбе за совершенствование артиллерии, его помощь всегда оказывалась оперативной и действенной” (с. 328, 333, 394).

Несмотря на отдельные недостатки в организационной, хозяйственной и производственной деятельности, наркомат вооружения, как и вся военная промышленность, развивался в целом успешно. По предварительным итогам работы народного хозяйства СССР за 1940 год (информация Госплана СССР в ЦК ВКП(б) от 21.01.1941), увеличилась продукция следующих наркоматов по сравнению с 1939 годом:

– по вооружению – 132%, по боеприпасам – 132%, по авиапромышленности – 133%, судостроительной промышленности – 139%.

Выросла производительность труда в промышленности Наркомата вооружения – на 16%, Наркомате боеприпасов – на 15% (1941 год. Указ. соч. Кн. 2, с. 551–554).

По планам полное перевооружение и укомплектование Красной армии и Военно-Морского флота должно было завершиться к середине 1942 года. Сталин обещал военному командованию, что до 1942 года военного столкновения СССР и Германии не произойдёт.

По свидетельству тогдашнего начальника Генштаба Красной армии, генерала армии, Героя Советского Союза (1940) К. А. Мерецкова, в начале 1941 года Сталин говорил, что “пребывать вне войны до 1943 года мы, конечно, не сумеем. Нас втянут поневоле. Но не исключено, что до 1942 года мы останемся вне войны” (Мерецков К. А. На службе народу. 3-е изд. М., 1983, с. 188).

В большом и сложном деле, каким было перевооружение Красной армии и флота, были допущены и серьёзные просчёты. “...По моему глубокому убеждению, – пишет Б. Л. Ванников, – ошибки были исключительно результатом принятых в спешке решений, подчас продиктованных не знаниями и опытом, а дилетантским верхоглядством” (с. 86).

Вот некоторые примеры.

В воспоминаниях Б. Л. Ванникова приводится эпизод с винтовками, когда Наркомат обороны в начале 1941 года неожиданно изменил свой годовой заказ.

В Наркомате обороны, зная о большом резерве обычных мосинских винтовок обр. 1891/30 (около 8 млн шт. – сведения Б. Л. Ванникова. – Прим. авт.), пожелали вместо 2 млн винтовок, в том числе 200 тыс. самозарядных, увеличить число последних до 1 млн. Для этого наркомат готов был отказаться даже от обычных винтовок.

В Наркомате вооружения это требование посчитали непонятным и ошибочным. Вопрос в таком случае был передан на рассмотрение комиссии в составе В. М. Молотова (председатель), Н. А. Вознесенского, Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, С. К. Тимошенко, Г. К. Жукова и других.

“... Вывод комиссии, – вспоминает Б. Л. Ванников, – ... гласил: дать заказ только на самозарядные винтовки и поручить Наркомату вооружения совместно с представителями Наркомата обороны определить максимальное количество СВ, которые могут выпустить заводы в 1941-м и последующих годах” (с. 44).

Решение комиссии считали крайне ошибочным, кроме наркома, его опытные заместители – В. М. Рябиков и И. А. Барсуков, а также директор

Ижевского оружейного завода В. Н. Новиков. Они настоятельно просили Бориса Львовича обратиться с доводами наркомата вооружения к И. В. Сталину, пока не принято официальное решение. Этот, как и другие серьезные вопросы, в то и военное время мог решить только Сталин. Его слово, как правило, было последним и решающим.

После разговора Бориса Львовича по телефону со Сталиным доводы Наркомата вооружения были признаны правильными. Решение комиссии В. М. Молотова отменено. В окончательном варианте было принято компромиссное решение по самозарядным и обычным винтовкам (оно в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 07.02.1941, указано выше).

Вообще-то выступать против решения высокой комиссии, когда вопросы обороны страны стояли остро, было очень непросто и даже небезопасно. Б. Л. Ванников, хорошо зная состояние дел на оружейных заводах, взял на себя смелость опротестовать решение комиссии, которое сначала поддерживал и Сталин, и добился его отмены. Такой шаг наркома мог задеть самолюбие некоторых членов комиссии, например, В. М. Молотова, Председателя Совнаркома СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б). На заседании комиссии он сказал: "Нам не нужны ваши устаревшие винтовки" (с. 44). Ошибался Вячеслав Михайлович. Оказывается, нужны. "Ни одна самозарядная винтовка не пользовалась таким спросом, — пишет В. Н. Новиков, — как старая русская трёхлинейка. Такого долголетия в оружии не было и нет. Многие солдаты предпочитали её любому другому стрелковому оружию" (с. 118). "...Вес этого подлинного шедевра инженерной мысли — 3,5 кг без патронов", — отмечается в книге "Гриф секретности снят. Статистическое исследование" (под ред. зам. начальника Генштаба Российской армии Г. Ф. Кривошеева, М.: Воениздат, 1993, с. 367).

В дальнейшем Борис Львович часто вспоминал этот день и думал, что в случае согласия с комиссией (он был близок этому — выручили В. М. Рябиков, И. А. Барсуков и В. Н. Новиков) последствия такого решения для Красной армии в первые месяцы войны были бы ещё тяжелее.

Ижевский завод снял бы с производства мосинские винтовки, а Тульский, эвакуированный, только начал бы производить самозарядные. Но, к счастью, ошибки удалось избежать.

У заинтересованного читателя может возникнуть вопрос: как получилось, что на фронте и в тыловых частях не хватало винтовок, хотя запас их, как уже отмечалось, был значительным?

Вот как об этом говорит В. Н. Новиков: "Что же касается запасов винтовок, то они хранились в приграничных районах и были потеряны на первом же этапе войны. Большие потери винтовок несла тогда наша отступающая армия" (с. 91). В этом, видимо, была основная причина острой нехватки винтовок. "Мы недосчитались 200 окружных и центральных складов из 340, находившихся в приграничных районах", — отмечается в книге "Канун и начало войны..." (с. 36). По этой же причине было потеряно значительное количество артиллерийского и другого стрелкового вооружения, боеприпасов к ним, включая противотанковые пушки 45 и 76 мм. Их остро не хватало для борьбы с немецкими танками отступающим частям Красной армии. Положение усугублялось ещё тем, что производство этих пушек было ошибочно прекращено в начале 1941 г. (Ванников Б. Л. Указ. соч., с. 18).

В. Н. Новиков вспоминает такой эпизод: "...Звонили из Москвы и предупредили: "Товарищ Новиков, положение на фронте таково, что одни бойцы дерутся, а другие ждут освобожденные винтовки. Надо увеличить производство обычных винтовок до 12 тысяч в сутки. Вы специалист и должны решить эту задачу" (указ. соч., с. 92). Не приводя здесь каких-либо доводов директора Ижевского завода, отметим лишь, что тогда, летом 1941 года, нарастало производство авиационных пушек, противотанковых ружей, пулемётов Максима и другого вооружения. Поэтому заказ в 12 тысяч (выпускали 5 тысяч штук в сутки) оказался нереальным. Он стал выполняться лишь в конце лета 1942 года (с. 93, 132). Было и такое, когда некоторые высокие руководители давали задания, не зная реальных возможностей производства, как в данном случае.

По свидетельству Б. Л. Ванникова, потеря запасов винтовок привела к тому, что "вновь формируемые дивизии были обеспечены винтовками на 30%, а в тылу обучали призванных с помощью деревянных макетов личного оружия. К сожалению, действительно, было много таких случаев..." (с. 75).

Однако полной ясности в том, как были использованы 8 млн винтовок (численность армии и флота на 22.06.1941 была 5378 тысяч человек. — “Канун и начало войны...”, указ. изд., с. 29) и где они хранились, — пишет Борис Львович, — до сих пор нет (имеется в виду на момент написания воспоминаний к 1962 году. — Прим. авт.). Использованная нами военно-историческая литература ответа не даёт. Похоже, этим вопросом никто не занимался.

Только, казалось бы, улеглись страсти по винтовкам, как в начале этого же года Наркомату вооружения и его руководителю пришлось пережить более суровые испытания. Начальник ГАУ Г. И. Кулик предложил Наркомату вооружения снять с производства 76 мм пушку, а взамен неё быстро разработать и запустить в производство 107 мм танковую пушку. По данным, которыми он располагал, немецкие танки перевооружаются с броней большей толщины и повышенного качества, поэтому наша артиллерия калибра 45–76 мм окажется против них неэффективной. В связи с этим возникал вопрос о прекращении производства этих пушек всех вариантов, обладавших хорошими боевыми и эксплуатационными качествами. Наркомат вооружения обоснованно возражал, ведь взамен 45 и 76 мм пушек пока ничего не было создано.

В связи с возражениями Б. Л. Ванникова дело было доложено И. В. Сталину. Вот лишь отдельные фрагменты двух встреч Ванникова и Сталина, которые повлияют на дальнейшую судьбу Бориса Львовича (он будет арестован 7 июня 1941 года. — Прим. авт.).

Б. Л. Ванников вспоминает: “К концу моих объяснений в кабинет вошёл Жданов. Сталин обратился к нему и сказал:

— Вот Ванников не хочет делать 107 мм пушки для ваших ленинградских танков (это были тяжёлые танки КВ — “Клим Ворошилов”. — М. Ф.). А эти пушки очень хорошие, я знаю их по гражданской войне”.

Сталин говорил о полевой пушке времён Первой мировой войны; она, кроме калибра, ничего общего не могла иметь с пушкой для современного танка (Некрич А. М. Указ. соч., с. 81).

Ванников продолжает: “Жданов ответил:

— Ванников всегда всему сопротивляется — это стиль его работы”.

Вторично этот вопрос рассматривался на заседании комиссии в составе А. А. Жданова (председатель), от военных — Г. И. Кулика, генерал-майора технических войск М. М. Каюкова и др.; от Наркомата вооружения — Б. Л. Ванникова, И. А. Мирзаханова (замнаркома), директоров артиллерийских заводов А. С. Еяна, Б. А. Фрадкина и др.; от Наркомата боеприпасов — П. Н. Горемыкина и его заместителя, а также и других.

На этом совещании опять произошла стычка со А. А. Ждановым. “Он резко заявил, что “Ванников саботирует” и закончил фразой: “Мертвый тянет живого”.

В ответ я сказал А. А. Жданову:

— Вы перед войной допускаете разоружение армии.

Он встал, прекратил совещание и заявил, что пожалуется на меня Сталину. Комиссия ничего не решила”.

Вернёмся к воспоминаниям Б. Л. Ванникова.

“... Вскоре меня вызвал Сталин и показал подписанное им постановление ЦК ВКП(б) в духе предложения Кулика.

— Я попытался возражать, но Сталин прервал мои объяснения <...> они основаны на нежелании перестраиваться на выпуск новой продукции, а это наносит ущерб государственным интересам.

— Нужно, чтобы вы не мешали, — сказал Сталин, — поэтому передайте директорам указание прекратить производство пушек калибра 45 и 76 мм и вывезти из цехов всё оборудование... Указание Сталина было выполнено...” (с. 16–17). Борис Львович побаивался вспыльчивости и жестокости Сталина. Выдержка и хладнокровие иногда изменяли ему.

Следует отметить, что из-за возражений Наркомата вооружения этот вопрос трижды рассматривался в ЦК партии. Для этого создавались комиссии под председательством: первая — Г. М. Маленкова, вторая — В. М. Молотова, третья — А. А. Жданова (о ней пишет Б. Л. Ванников).

Две первые комиссии приняли предложение Наркомата обороны и его ГАУ о снятии с производства 45 и 76 мм пушек (Куманёв Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005, с. 262). А по работе третьей комиссии,

как видим, решение принял И. В. Сталин. Он уважал мнение профессионалов (эпизод с винтовками), но в данном случае произошло досадное исключение.

Начальник Генштаба Красной армии с января по июль 1941 года Г. К. Жуков пишет: “Маршал Г. И. Кулик, являясь главным докладчиком Сталину по вопросам артиллерии, не всегда правильно ориентировал его в эффективности того или иного образца артиллерийско-миномётного вооружения” (Воспоминания и размышления. 4-е изд. М, 1974, с. 201).

Выше было отмечено, что противотанковые пушки калибра 45 и 76 мм и противотанковые ружья в заказ вооружения на 1941 год не попали (постановление партии и правительства от 07.02.1941).

Так незадолго до войны было принято некомпетентное решение, имевшее тяжёлые последствия для армии. Война вскоре заставила отменить это решение. Производство 45 и 76 мм пушек и боеприпасов к ним* было возобновлено по решению ГКО от 12.07.1941 года. В первые недели войны Сталин будет искать виновников этого решения. “На ковер” будут вызваны нарком боеприпасов П. Н. Горемыкин и замнаркома вооружения полевой артиллерии И. А. Мирзаханов, но, к счастью для них, жёстких мер не последует. Видимо, Сталин чувствовал и свою вину.

Заметим также, что некорректные высказывания А. А. Жданова** и Б. Л. Ванникова в адрес друг друга на заседании комиссии, а затем профессиональная настойчивость Бориса Львовича в разговоре со Сталиным вряд ли могли остаться без последствий для Ванникова. Время было сложное.

В книге “Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1956 гг.” (Лондон, 1994, с. 186–187) американский профессор Д. Холлоуэй пишет: “В начале июня 1941 года Ванникова посадили в тюрьму после спора со Ждановым и Сталиным о производстве артиллерийского оружия... и вскоре прямо из тюрьмы его привезли в кабинет Сталина в Кремле. Сталин послал его обратно в Наркомат вооружения заместителем Д. Ф. Устинова, нового наркома”. И хотя ссылок на источник не даётся, данное драматическое событие имело место в жизни Б. Л. Ванникова. Об этом он пишет в своих воспоминаниях, но причин и места ареста не называет (с. 5, 6). Вот как описывает это событие военный историк, доктор исторических наук, профессор В. А. Анфилов (см. в книге “Дорога к трагедии сорок первого года”, М., 1997, с. 100). Он пишет: “Согласно решению Сталина, эту пушку (107-мм. – М. Ф.) поставили на конвейер, а оборудование для производства 76 и 45-мм орудий вывезли из цехов. Ванникова за непослушание посадили в тюрьму, к счастью, не расстреляли... Ванников, будучи ещё на свободе, выступил в защиту Б. И. Шавырина (о нём ниже). Но и эта строптивость наркома не осталась без внимания. Её пристегнули ему к “делу” о 107-миллиметровых пушках”. Как видим, главные причины необоснованного ареста Б. Л. Ванникова названы. Были, конечно, и другие. Читатель может убедиться в этом по событиям, описанным ниже.

К артиллерийскому вооружению относятся и миномёты. Их созданием занималось единственное в стране Специальное конструкторское бюро №4 (СКБ-4) при артиллерийском заводе №7 (г. Ленинград) под руководством талантливого конструктора-бауманца Б. И. Шавырина. В 1937–1938 годах здесь были созданы 50 мм – ротные, 82 мм – батальонные и 120 мм – полковые миномёты, обладающие хорошими боевыми качествами. Однако из-за недооценки этого вида вооружения военным командованием отработка образцов миномётов и их серийное производство затягивались. Советско-финская война 1939–1940 годов показала эффективность миномётов, как и автоматов, но их явно не хватало. После известной уже критики И. В. Сталиным командного состава в апреле 1940 года отношение к миномётам стало меняться в лучшую сторону. Производство миномётов – “трубы и плиты”, как их иронически

* Во многом благодаря этим грабинским пушкам, особенно знаменитой 76 мм образца 1936 года (Ф-22), модифицированной в 1939 году (УСВ), – составляла основу полевой артиллерии, – танковые армады Гитлера были остановлены под Москвой осенью 1941 года. О ней 1 января 1942 года Сталин скажет лично Грабину: “Ваша пушка спасла Россию”. Вряд ли в этих словах есть преувеличение (Великая Отечественная война. 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005, с. 208).

** В то время он занимал высокую партийную должность – секретарь ЦК и член Политбюро ЦК ВКП(б).

называли, — стало нарастать. Всевозможные затяжки их производства привели к тому, что виновником всего был выставлен их создатель — конструктор Б. И. Шавырин. В 1940 году на него было заведено уголовное дело по обвинению во “вредительстве, злом и преднамеренном срыве создания миномётов”, было подписано распоряжение о его аресте, но Б. И. Шавырина спас Б. Л. Ванников (указ. соч., с. 34). Он не дал согласия органам госбезопасности на арест талантливого конструктора, ставшего впоследствии главным конструктором миномётов, Героем Социалистического Труда (1945).

Смалодушничай тогда Борис Львович, дай согласие на арест, и судьба Б. И. Шавырина могла бы оказаться такой же трагической, как и конструктора авиавооружения Я. Г. Таубина (о нём речь ниже). Сентиментальность тогда была не в моде.

Благодаря усилиям работников промышленности вооружения производство шавыринских миномётов было быстро освоено. К началу войны было выпущено 14200 82 мм миномётов и 3200 — 120 мм (Некрич А. М. Указ. соч., с. 84).

Своя нелёгкая судьба была практически у каждого вида артиллерийского и стрелкового вооружения. Не составляют исключения и самозарядные винтовки С. Г. Симонова и Ф. В. Токарева, пистолеты-пулемёты В. А. Дегтярёва, Г. С. Шагина и оружие других конструкторов.

В начале 1939 года сначала в Наркомате обороны, а затем в Совнарком (правительстве) страны обсуждался вопрос о прекращении производства пистолета-пулемёта В. А. Дегтярёва (ППД).

Начальник ГАУ Г. И. Кулик, и его коллеги — “конники” К. Е. Ворошилов, С. М. Будённый и другие считали ППД малоэффективным оружием, с малой областью применения.

Г. И. Кулик говорил, например, кому, дескать, нужна эта “пукалка”, которая бьёт на двести-триста метров? Зачем выпускать пистолет-пулемёт (ППД) “в ущерб государственным интересам” — вот как ставился вопрос. Но автомат Дегтярёва был хорош для ближнего боя (пограничникам, разведподразделениям, войскам НКВД). Представители Наркомата вооружения возражали. Ведь производство автоматов было хорошо налажено, вложены крупные средства. Они указывали военным специалистам на ошибочность оценки ППД как неперспективного оружия.

Настоятельная просьба Наркомата вооружения сохранить хотя бы небольшой заказ для армии не была удовлетворена. Производство автоматов для армии было прекращено.

Нарком вооружения Б. Л. Ванников тяжело переживал отказ армии от автоматов. Он пытался найти выход из положения. Встречался с начальником личной охраны Сталина генералом Н. С. Власиком и просил его сохранить заказ ППД для пограничных войск. Генералу Н. С. Власику это удалось. Производство автоматов продолжалось, хотя и не в таком количестве, сохранилось и оборудование.

Начавшаяся вскоре советско-финская война 1939–1940 годов протрезвила военных. Она выявила большую потребность подразделений в автоматах, но их не хватало. По указанию Сталина большая часть автоматов была передана из НКВД на фронт действующей армии. По его же указанию производство автоматов стало нарастать и достигло к концу войны 20 тысяч в месяц. 21 декабря 1940 года постановлением Комитета обороны при СНК СССР 7,62 мм пистолет-пулемёт системы Шагина (ППШ-41) с круглым барабанным магазином, вмещающим 71 патрон, принимается на вооружение Красной армии. В годы войны он станет самым распространённым автоматическим стрелковым оружием — легендарным ППШ.

Прошедшая война с финнами показала слабую техническую оснащённость Красной армии, в том числе и автоматическим оружием: автоматами, самозарядными винтовками и другими видами оружия. Из-за ошибочной недооценки роли автоматического оружия в современной войне со стороны ГАУ и Наркомата обороны производство его шло медленно и не в том количестве. Например, за один только 1941 год немцы произвели 325 тысяч автоматов, а мы за весь довоенный период выпустили 100 тысяч. (Канун и начало войны. Указ. изд., с. 28). В этом была одна из причин, приведших к большим потерям в Красной армии в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Стиль и методы работы начальника ГАУ Г. И. Кулика, его недостаточная техническая грамотность не способствовали успешному решению сложных

задач по перевооружению Красной армии и флота. Вот лишь некоторые штрихи к его портрету. Обратимся опять к шеститомному труду «Великая Отечественная война...» (указ. изд., с. 416): «Неоднократно признавая на авторитетных совещаниях свою вину, он говорил: «Отсутствие автоматов в войсках — результат моей ошибки, я в этом повинен... но обязуюсь коренным образом выправить положение». Эти свои обещания Г. И. Кулик не выполнял».

Вот как характеризует начальника ГАУ его заместитель с 1940 года, с июля 1941-го — начальник артиллерии Красной армии, впоследствии — Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов: «Г. И. Кулик был человеком малоорганизованным, много мнившим о себе, считавшим все свои действия непогрешимыми... Лучшим методом своей работы он считал держать в страхе подчинённых. Любимым его изречением при постановке задач и указаний было: «Тюрьма или ордена»* (Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1961, с. 166).

Надо отметить, что у генерал-полковника Н. Н. Воронова были хорошие дружеские отношения с наркомом вооружения Б. Л. Ванниковым, начиная с декабря 1937 года, когда он был замнаркома оборонной промышленности СССР. Они сохранились и в последующие годы большой и напряжённой работы по перевооружению Красной армии и флота новой боевой техникой и вооружением.

Н. Н. Воронов пишет: «Б. Л. Ванников со своим большим практическим опытом и постоянным стремлением к новому очень помогал в работе» (Воронов Н. Н. Указ. соч., с. 166). Благодаря решительной поддержке замначальника ГАУ удалось сохранить работы по конструированию и производству противотанковых ружей (ПТР) В. А. Дегтярёва и С. Г. Симонова (производство их прекращено в конце 1940 года).

Попутно заметим, что отношения Г. И. Кулика и Б. Л. Ванникова, давно знакомых по совместной работе, не всегда были равными. Они были разными по характеру и методам морального воздействия на людей. Непростыми были взаимоотношения известного конструктора артиллерии В. Г. Грабина с маршалом Г. И. Куликом. Однажды даже пришлось обращаться за помощью к И. В. Сталину. И, хотя споры и стычки имели сугубо профессиональный характер, они в определённой степени отрицательно сказывались на общем деле перевооружения армии и флота.

Как известно, развитие народного хозяйства происходило в условиях нарастания военной опасности. Это требовало огромного напряжения сил и средств по укреплению обороны страны. Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года не изменил агрессивных планов фашистской Германии. «С февраля 1941 года, — пишет А. М. Василевский, — Германия начала переброску войск к советской границе» (с. 90). В этой обстановке в ЦК ВКП(б) было принято решение о проведении 15–20 февраля 1941 года в Москве XVIII Всесоюзной партийной конференции. В ней, кроме секретарей партийных организаций разного уровня, участвовали наркомы и директора крупных предприятий. Среди них были наркомы, члены ЦК ВКП(б) Б. Л. Ванников (вооружения), В. А. Малышев (средмаша), И. Ф. Тевосян (черной металлургии) и многие другие.

Как отмечают историки С. С. Хижняков и О. В. Хлевнюк, стенограмма конференции не публиковалась, а ее работа освещалась в газете «Правда» (см. «XVIII партконференция: Время. Проблемы. Решения». М., 1990). Вопрос о работе промышленности и транспорта был основным в повестке дня конференции.

С докладами выступили:

«О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта» — Г. М. Маленков, секретарь ЦК ВКП(б);

«Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год» — Н. А. Вознесенский, зам. председателя СНК СССР (указ. соч., с. 42).

* Судьба Г. И. Кулика оказалась трагичной. После ряда военных неудач Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19.02.1942 года он был лишен званий Маршала и Героя Советского Союза, снят с поста замнаркома обороны СССР, в июне 1946 года уволен в отставку, а 11.01.1947 года арестован. По приговору военной коллегии Верховного суда СССР от 23.08.1950 года он был приговорён к смертной казни и расстрелян (Залесский Г. А. Кто есть кто в истории СССР. 1924–1953. В 2 кн. Кн. 1. М., 2009, с. 331, 332).

В докладах были отмечены не только успехи, достигнутые за 3 года пятилетки, но и серьёзные недостатки в развитии промышленности и транспорта.

Наибольший интерес представлял доклад Н. А. Вознесенского, который говорил о том, что современная война является войной моторов, и вместе с тем она является в значительной степени и войной резервов.

Было отмечено, что “в результате успехов освоения новой техники и роста оборонной промышленности значительно повысилась техническая оснащённость Красной армии и Военно-Морского Флота новейшими видами и типами современного вооружения”. Однако, несмотря на всё напряжение в работе промышленности, она не поспевала за требованиями тревожного времени. Ряд заводов по производству танков не выполнял план, о чём было сказано выше; плохо обстояло дело с боеприпасами для новых артиллерийских систем, медленно шло серийное освоение новых самолётов (указ. соч., с. 50).

Не менее важным был доклад Г. М. Маленкова о состоянии кадрового потенциала страны и его практическом использовании в работе промышленности и транспорта, о бюрократическом стиле руководства предприятиями, безхозяйственности, браке в работе, текучести кадров и т. п. (указ. соч., сс. 48, 52, 78).

Кроме того, на конференции выступили наркомы В. А. Малышев, А. Н. Косыгин, директор Кировского завода И. М. Зальцман. Сведений о выступлении Б. Л. Ванникова, равно как и критики в адрес работы наркомата вооружения в этой брошюре и других использованных нами источниках не содержится.

На конференции были подвергнуты резкой критике наркомы М. Ф. Денисов (химическая промышленность), И. П. Сергеев (промышленность боеприпасов), С. С. Дукельский (морской флот) и другие. Они были предупреждены, что если не наладят работу своих наркоматов, то будут сняты с работы и выведены из ЦК (указ. соч., с. 52).

Конференция указала, что главной хозяйственной задачей 1941 года является “дальнейший рост основных отраслей промышленности <...> особенно необходим дальнейший рост производства чугуна, стали, цветных металлов, угля, нефти и максимальное развитие машиностроения всех видов” (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: Т. 7. 1938–1948. М., 1985, с. 205).

Итоги конференции закрепили роль партийного контроля как дополнительного рычага руководства в сложившейся командно-административной системе управления экономикой.

На контроль партийных организаций возлагались большие надежды. В тех конкретных исторических условиях эта мера себя в целом оправдала.

После конференции развернулась активная работа по преодолению негативных явлений на производстве, в развитии экономики. Важную роль в этом процессе играл энтузиазм рабочего класса и инженерно-технических работников. Несмотря на материальные и бытовые трудности, людей, которые умели и хотели трудиться добросовестно, отдавая делу все силы и знания, в нашей стране было немало. Именно они выступали инициаторами многих начинаний, которые позволяли повысить производительность труда и качество продукции.

Много делалось и для решения оборонных задач. Уже на второй день после конференции (22 февраля) в кремлёвском кабинете Сталина состоялось расширенное совещание политического и военного руководства страны, наркомов и конструкторов. В совещании, которое началось в 17 часов и закончилось в 21 час, участвовало 27 человек. Среди них были Молотов, Маленков, Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Жуков, Кулик, Мерецков и другие; наркомы Ванников, Шахурин, Сергеев, конструктор Яковлев; руководство ВВС: Рычагов, Жигарев, Проскуров, лётчик-испытатель Громов и другие.

Берия и Мехлис отсутствовали.

Судя по составу участников совещания рассматривались вопросы технической оснащённости Красной армии новой техникой и вооружением, трудности серийного освоения новых самолётов, работа наркомата боеприпасов и другие.

Записи посетителей кабинета Сталина (На приёме у Сталина. Указ. изд., с. 580) говорят, о том, что Б. Л. Ванников был принят И. В. Сталиным в 1940 годы 20 раз, из них 12 – в первой половине года.

Чаще всего вместе с ним были наркомы А. И. Шахурин, И. Ф. Тевосян, В. А. Малышев; от Наркомата обороны – К. Е. Ворошилов, Г. И. Кулик,

Г. К. Жуков, от НКВД Л. П. Берия, постоянные участники всех совещаний В. М. Молотов и Г. М. Маленков, реже А. А. Жданов (указ. соч., с. 580).

Записи в тетрадях позволяют уточнить многие детали советской истории, включая предвоенные годы. Нарастание военной опасности, начиная с 1939 года, наложило свой отпечаток на деятельность высшего партийно-государственного руководства страны. В эти годы в кремлёвском кабинете Сталина всё чаще появляются наряду с членами Политбюро ЦК ВКП(б) и руководством Наркомата обороны командующие родов войск, чаще ВВС, наркомы, конструкторы и директора предприятий оборонной промышленности, лётчики-испытатели и другие специалисты.

Здесь рассматривались не только вопросы создания новых танков, самолётов, вооружения к ним, другой военной техники и вооружения, но и их серийного освоения. А оно шло медленно. Выясняли причины, указывали на недостатки, наказывали за неисполнение сроков работ и т. п. Эти и другие вопросы обсуждались также на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и в ЦК партии.

Требования к руководителям всех уровней, а также к создателям новой техники и вооружения становились всё жёстче, а сроки работ короче, порой без учёта реальных технических и производственных возможностей.

“Производственники понимали, — пишет В. Н. Новиков, — что освоение многих видов боевой техники нужно завершить в возможно <более> короткое время... Работа, развернувшаяся особенно в больших масштабах в 1940 году, продолжалась и в следующем, 1941 году...” (с. 56)

Руководители наркоматов военной и других отраслей народного хозяйства работали в обстановке интенсивного давления, оказываемого на них сверху, и переносили это давление на своих подчинённых по цепочке вниз. Деятельность предприятий оценивалась, прежде всего, по тому, как выполнялись или не выполнялись приказы и планы, спущенные сверху.

Примечателен в связи с этим такой факт, неизвестный массовому читателю. Нарком торговли РСФСР с 1939 года, в годы Отечественной войны — начальник Главного управления продовольственного снабжения Красной армии, генерал-лейтенант Д. В. Павлов писал: “В Москве я столкнулся с необычным режимом работы. Руководители наркоматов, центральных учреждений приходили на работу к 11, а то и к 12 часам дня и трудились до 3-4 часов ночи, а работники аппарата начинали свой трудовой день в установленное расписанием время. Получалось так, что руководители часть дня работали без сотрудников, а те — без руководителей. Многие были недовольны существующим режимом, но что-либо изменить не могли” (см. в кн.: “Стойкость”. 2-е изд., доп. М., 1983, с. 14).

Не повторяя Д. В. Павлова, а несколько дополняя его, А. И. Шахурин пишет: “Вероятно, можно было работать и по другому расписанию. Но тот, кто был непосредственно связан со Сталиным, работал именно так, потому что так работал и сам Сталин” (указ. соч., с. 99). Наверное, по своей подпольной привычке Сталин работал по ночам.

Уже много лет спустя, находясь на пенсии, В. М. Молотов (второе лицо в государстве) в беседе 22.04.1970 года с писателем Ф. И. Чуевым говорил о том периоде: “Условия жизни в стране были трудными, а мы требовали: “Давай, давай!” Давай производительность труда, давай то, давай это... Шла упорная подготовка к войне, но всё учесть и успеть было просто невозможно, а страна работала без выходных, и струна напряжения и терпения у нашего народа была натянута до предела” (Чуев Ф. И. Член Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов. Герои и антигерои Отечества. / Сост. В. М. Забродин. М., 1992, с. 439).

В общей структуре перевооружения Красной армии и флота особое место занимала боевая авиация. Руководство страны придавало большое значение её развитию и постоянно контролировало ход выполнения всех работ. Неофициально “шефом” авиации был И. В. Сталин.

Одним из сложных вопросов в создании новых самолётов было и создание авиамоторов, и авиавооружения. Тактико-технические требования (ТТТ) к нему были выше, чем к наземному, пишет Б. Л. Ванников (указ. соч., с. 23). Поэтому и требования к качеству отработки опытного образца также были высокие.

Разработкой авиавооружения (пулемётов калибра 12,7, авиапушек 23 и 37 мм и др.) занималось несколько конструкторских коллективов, в том

числе и Я. Г. Таубина. Сопровождение этих разработок осуществлял замначальника Управления вооружений ВВС И. Ф. Сакриер.

В воспоминаниях Б. Л. Ванникова и В. Н. Новикова описывается печальный эпизод с разработкой только одного из образцов пушки 23 мм, хотя Я. Г. Таубин работал и над пушкой калибра 37 мм согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 04.10.1940 года №1822-779сс. (1941 год. Кн. 1. Указ. изд., с. 219).

Ход разработки пушки 23 мм, содержащей, по мнению Б. Л. Ванникова, “много хороших технических решений”, обсуждался в кремлёвском кабинете И. В. Сталина дважды (22.07 и 04.10.1940 года), а позже, 15.11.1940 года там же обсуждалось начало работ над пушкой калибра 37 мм (На приёме у Сталина. Указ. изд., с. 580). Возможно, на первом совещании Я. Г. Таубин пообещал Сталину доработать конструкцию пушки 23 мм до нужных параметров, “хотя в данном случае не имел твердых оснований для такого обещания”, вспоминает Б. Л. Ванников (указ. соч., с. 27).

Несмотря на технические, производственные и другие трудности, эта пушка была доработана на Ижевском оружейном заводе и как МП-6 (первые буквы фамилий конструкторов) передана в серийное производство. В. Н. Новиков пишет: “Незадолго до войны эту пушку заменили на пушку 23 мм конструкторов Волкова и Ярцева (ВЯ-23) – она оказалась надёжней”. Далее он продолжает: “Многие конструкторы за создание пушки МП-6 были награждены, в т. ч. Я. Г. Таубин и М. Н. Бабуриным орденом Ленина. Однако после того, как МП-6 была снята с вооружения, оба руководителя от конструкторской работы были отстранены и арестованы” (указ. соч., с. 198).

Б. Л. Ванников вспоминает: “Конечно, Таубин, которого поддерживал и я, был... безусловно, талантливым конструктором... Он мог принести неоценимую пользу обороне страны. И его неудача, а затем и гибель были результатом непоследовательных и неоправданных действий, нередких в сложившейся тогда обстановке” (указ. соч., с. 30).

Уточним и дополним воспоминания Б. Л. Ванникова и В. Н. Новикова. Оба конструктора – Я. Г. Таубин и М. Н. Бабуриным – были арестованы не столько за пушку МП-6, сколько за медленные и неудачные работы по пушке 37 мм. Прошло почти полгода с начала работы, а опытный образец оказался “сырым”. Документы свидетельствуют: “Пушка Таубина калибра 37 мм с мотором М-105П не увязана и на самолёт ЛаГГ-3 не вмещается” (записка наркома А. И. Шахурина замначальника ГУ ВВС генерал-лейтенанту Жигареву от 17.04.1941 года).

“...Самолёт ЛаГГ-3 с пушкой Таубина-Бабурина испытания не выдержал...” (записка Воронина из наркомата авиапромышленности зам наркома обороны СССР генералу армии Жукову от 25.04.1941 года /1941 год. Кн. 2. Указ. изд., сс. 91, 113).

И. В. Сталину было известно об этих испытаниях. Он был крайне недоволен результатом. Последовали действия работников Наркомата госбезопасности (с 03.02.1941 по 20.07.1941 – НКГБ, затем опять НКВД. – М. Ф.). Как часто бывало тогда, заводились “дела” по обвинению во вредительстве*.

Из более поздних, чем у Б. Л. Ванникова (1962) воспоминаний В. Н. Новикова (1988) известно, что Я. Г. Таубин и М. Н. Бабуриным были посмертно полностью реабилитированы за отсутствием состава преступления (Новиков В. Н. Указ соч., с. 198). После их ареста КБ возглавил А. Э. Нудельман. Он вместе с конструктором А. С. Сурановым успешно доработал пушку 37 мм. Она была принята в серийное производство под индексом НС-37.

Можно лишь предполагать, что в случае с Я. Г. Таубиным Борис Львович не предпринимал каких-либо действий в его защиту, ибо сам уже был под подозрением. Заметим в связи с этим, что состоявшееся 21.04.1941 года

* В группе из 25 арестованных военных и партийных руководителей значится фамилия конструктора Я. Г. Таубина. Все они, возможно, среди них были М. Н. Бабуриным и И. Ф. Сакриер, были вывезены из Москвы и расстреляны 28 октября 1941 года под г. Куйбышевом по предписанию наркома НКВД Л. П. Берии без суда и следствия. (См. в научном справочнике “Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945. Люди. События. Факты.” / Под ред. О. А. Ржевского. 2-е изд., доп. М., 2000, с. 314. Более полный перечень фамилий расстрелянных генералов авиации и Наркомата обороны дан в кн.: “Канун и начало войны”. Указ. изд., с. 294. Предписание Л. П. Берии см. в кн.: Карпов В. В.. “Расстрелянные маршалы”. М., 1999, с. 232.)

в Кремле совещание у Сталина было крайне узким по составу. Здесь были Молотов, Маленков, Жданов, Кулик и Ванников. Возможно, наряду с вопросами серийного освоения новых видов артиллерийского и стрелкового вооружения рассматривались и другие. Какие вопросы обсуждались в течение двух часов, мы никогда не узнаем. На таких и других совещаниях, где решались важные государственные вопросы, ни протоколов, ни записей не велось. (На приёме у Сталина. Указ. изд., сс. 19, 580).

По имеющимся документам это было последнее совещание в Кремле, в котором участвовал Б. Л. Ванников до своего ареста 07.06.1941 года.

В ЦК партии понимали, что от мобилизации всех ресурсов страны зависит и её способность выстоять в грядущих испытаниях. Поэтому 4 мая секретным постановлением Политбюро, а затем на пленуме ЦК ВКП(б) 05 мая 1941 года было принято следующее постановление: “В целях полной координации работы советских и партийных организаций и безусловного обеспечения единства в их руководящей работе...” назначить И. В. Сталина, секретаря ЦК партии, одновременно и председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

В приложении №2 — Результаты голосования к протоколу пленума ЦК ВКП(б) от 05.05.1941 года за №6 — под номером 10 значится фамилия Б. Л. Ванникова, голосовавшего “за”. Методом опроса членов ЦК ВКП(б) единогласно проголосовали 71 человек (1941 год. Кн. 2. Указ. изд., сс. 155–157).

В этот же день в 18 часов Сталин выступил в Кремле перед выпускниками военных академий и профессорско-преподавательским составом. Здесь же было высшее руководство Красной армии и флота, аппарат и члены ЦК, члены и кандидаты в члены Политбюро, депутаты Верховного Совета СССР. Его выступление в связи с секретностью не стенографировалось* и не освещалось в газетах и по радио. Он говорил: “Мы перестроили нашу армию, вооружили её современной военной техникой... Теперь у нас в составе армии 300 дивизий... третья часть механизированные. Об этом не говорят, но это вы должны знать. Из 100 дивизий — две трети танковые, а одна треть — механизированные”. Заявляя о такой боевой мощи, Сталин, видимо, рассчитывал на утку информации (Карпов В. В. Указ. соч., с. 304–309).

В действительности, как пишет писатель-фронтовик В. Карпов, этих дивизий пока не было, их ещё предстояло создать, равно как и перевооружить армию и флот современной боевой техникой и вооружением (перевооружение началось со второй половины 1940 года. — М. Ф.). Сталин говорил о новых танках, самолётах, артиллерии и их скором освоении, о нашей и германской армиях, о командных кадрах и многом другом. В своей речи Сталин показал итог работы военной промышленности за последние годы. Наиболее вероятно то, что Б. Л. Ванников в числе других наркомов отраслей военной промышленности (они же члены ЦК) присутствовал на высоком собрании (в его воспоминаниях и наркома авиапромышленности А. И. Шахурин об этом не упоминается. — М. Ф.).

В дальнейшем события развивались не в пользу Б. Л. Ванникова. В. Н. Новиков пишет: “Его хороший друг, нарком авиапромышленности А. И. Шахурин вспоминает, как, оказавшись в кабине Сталина, услышал от него:

— Вы знаете, что Ванников — немецкий шпион?

— Удивлён! — ответил Шахурин и дал Борису Львовичу самую положительную характеристику.

На это Сталин ничего не сказал...” (Новиков В. Н. Указ. соч., с. 383).

В воспоминаниях В. Н. Новикова не называется время данного эпизода, хотя это могло быть в середине или в конце мая 1941 года.

Выражаясь образно, можно сказать, что гром пока не грянул, но тучи уже сгущались над головой наркома вооружения Б. Л. Ванникова.

Много разных событий происходило не только в стране, но и в оборонной промышленности. Вот лишь один из малоизвестных случаев. Его описывает бывший главный конструктор НИИ измерительных систем (г. Горький), доктор технических наук, профессор Н. З. Трёмасов со слов парторга ЦК наркомата вооружения С. В. Мамиконяна. “В мае 1941 года Ванников на коллегии своего наркомата предложил снять с директоров Ленинградского завода “Большевик”

* Позже текст выступления Сталина восстанавливался по конспектам и воспоминаниям участников совещания (Карпов В. В. Генералиссимус. В 2 кн. Кн. 1. М, 2002, с. 305).

молодого Устинова за то, что тот, успешно выполняя важный оборонный заказ, изготовил береговые орудия, но не нарезал стволы, т. к. задерживается поставка из Германии специальных станков. Вместо того чтобы принять все меры, ждёт от немцев подарки, которые прекрасно знают, зачем нам эти станки” (Тремасов Н. З. Назначение отменяется. Позвоните по телефону. Н. Новгород, 2000, сс. 381-382). Чем закончился неприятный разговор для Д. Ф. Устинова, вскоре ставшего наркомом вооружения, неизвестно.

В это время шло активное наращивание вооружённых сил фашистской Германии вдоль всей линии западной границы СССР. Для рассмотрения нарастающей военной опасности в конце мая (точной даты нет) в кремлёвском кабинете И. В. Сталина состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б)*. В. М. Жухрай приводит фрагменты рассекреченной стенограммы заседания (её вел А. Н. Поскрёбышев – секретарь И. В. Сталина. – Прим. авт.), на котором обсуждались вопросы подготовки страны к обороне (см. в кн.: В. М. Жухрай. “Просчёт Адольфа Гитлера. Новое о И. В. Сталине”. М., 1995).

В заседании участвовали члены Политбюро ЦК ВКП(б), заместители председателя правительства (СНК), наркомы обороны, Военно-Морского флота, оборонной промышленности и начальник Генштаба Красной армии Г. К. Жуков. Фамилии участников заседания не указаны.

Выступая, Сталин сказал: “Обстановка обостряется с каждым днём, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии” (с. 60). Он дал анализ обстановки в Европе, отметил значение договора о ненападении, заключённого с Германией в 1939 году. В частности, Сталин сказал: “... Он дал необходимую передышку для более лучшей подготовки страны к обороне... Общего похода империалистических держав против СССР не получилось. Это главный результат”. Затем выступил начальник Генштаба Г. К. Жуков. Он кратко охарактеризовал состояние родов войск Красной армии и Военно-Морского флота. Вот основные фрагменты его критического выступления.

“Бронетанковые войска.

...некоторые танковые заводы план не выполняют, вооружение войск танками КВ и Т-34 идёт крайне медленными темпами. Пока сформировано 9 мехкорпусов, надо ещё 20.

Артиллерия. С 01.01.1941 <года> по настоящее время Красная армия получила 29 637 полевых орудий, 52 407 миномётов, а всего орудий и миномётов, с участием танковых пушек, – 92 578.

...ГАУ недооценивает такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 (“катюша”). Необходимо... немедленно принять решение об их срочном серийном производстве.

... В существенном ускорении нуждается производство 82 и 120 мм миномётов.

... Крайне слабым нашим местом являются войска связи, в которых не хватает современных средств связи... Особенно плохо с боеприпасами для новейших артиллерийских систем.

... В начале 1941 года вооружённые силы получили 2 650 самолётов новых конструкций, свыше 600 тяжёлых танков “КВ” и 1 440 лучших в мире средних танков Т-34 (эти цифры немного отличаются от приведённых выше. – М. Ф.).

... На сегодня в составе нашего флота более 600 боевых кораблей... 218 подводных лодок... военно-морская авиация насчитывает 2 529 самолётов.

... К 1 января 1941 года в сухопутных войсках, военной авиации, на флоте, в войсках ПВО насчитывалось 4 млн 200 тысяч человек” (с. 64–69).

В докладе Г. К. Жукова не приводятся сведения о количестве стрелкового вооружения, хотя известно, что накануне войны ежегодно в среднем производилось 1 млн 800 тысяч единиц (История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. М. 1975, с. 14).

* Возможно, речь идёт о совещании 23 мая 1941 года. В нём участвовали 15 человек, в том числе и замнаркома вооружения полевой артиллерии И. А. Мирзаханов (Посетители кремлёвского кабинета И. В. Сталина. Исторический архив, 1996. № 2, с. 48). Отсутствие на совещании наркома Б. Л. Ванникова можно объяснить лишь тем, что он находился под подозрением органов госбезопасности и И. В. Сталина. Невольно вспоминается фраза Сталина (она приведена выше), сказанная наркому авиационной промышленности А. И. Шахурину. Борис Львович чувствовал прохладное отношение И. В. Сталина и не ожидал от этого ничего хорошего.

В заключение выступил Сталин. Он сказал: "...Руководители наркоматов авиационной, химической промышленности, боеприпасов... и других отраслей народного хозяйства... должны извлечь уроки из сегодняшней критики и коренным образом улучшить свою работу. В противном случае они будут сняты с занимаемых постов" (с. 79).

Как видим, непосредственно критики в адрес наркомата вооружения, обеспечивающего армию и флот артиллерийским и стрелковым вооружением, здесь нет. Сталин знал истинное положение дел в армии, на флоте и в военной промышленности ("Мы знали, что слабее Германии", — говорил В. М. Молотов) и старался всеми дипломатическими силами отодвинуть её нападение. А между тем до роковых событий в жизни нашей страны — начала Великой Отечественной войны 22 июня — оставался один месяц. И около двух недель — до ареста наркома вооружения СССР Б. Л. Ванникова.

В последние месяцы перед войной невольно приходится касаться драматических событий в жизни страны. В мае-июне 1941 года и ранее подверглась репрессиям большая группа руководителей и специалистов оборонной промышленности, военно-воздушных сил (ВВС), противовоздушной обороны (ПВО) и Наркомата обороны.

Б. Л. Ванников вспоминает: "В 1941 году искусственно создали ряд крупных "политических" дел <...> репрессиям были подвергнуты многие ответственные руководители промышленности вооружения — заместители наркома, начальники главков и некоторые директора заводов" (Ванников Б. Л. Указ. соч., с. 71). Борис Львович, к сожалению, не называет фамилии своих коллег. Их мы узнаем из воспоминаний В. Н. Новикова (магнитофонная запись 02.07.1989, г. Москва). После освобождения Б. Л. Ванникова (20.07.1941) по его просьбе были освобождены его заместитель И. А. Барсуков, начальник Главного патронного управления С. И. Ветошкин, директор завода Ф. К. Чарский (Куманёв Г. А. Указ. соч., с. 520).

В мае-июне 1941 года были арестованы руководители ВВС П. В. Рычагов и Я. В. Смушкевич, начальник ПВО Г. М. Штерн, командующий Прибалтийским округом А. Д. Локтионов (все они и ещё 16 генералов и командиров были вывезены из Москвы и расстреляны 28.10.1941 года на полигоне НКВД под г. Куйбышевом). Арест генералов начался после того, как 15 мая 1941 года немецкий самолёт "Юнкерс-52", не замеченный ПВО, совершил перелёт от западной границы и приземлился в Москве.

Позже, в первые дни войны у руководителей ВВС, ПВО и других генералов авиации обнаружилось немало грехов, приведших к тяжёлым последствиям для Красной армии. Только 22 июня советские ВВС потеряли 1200 самолётов, из них 900 на аэродромах (Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991, сс. 84, 115).

Были арестованы по ложному обвинению также бывший начальник Генштаба РККА К. А. Мерецков и нарком вооружения Б. Л. Ванников, которые, как и названные выше генералы, сознались в преступлениях, которых не совершали (в военном заговоре и шпионаже в пользу Англии и Германии). Им повезло: оба были освобождены по указанию И. В. Сталина (Соколов Б. В. Истреблённые маршалы. — Смоленск: Русич, 2000, с. 449).

Судьба оказалась благосклонной к Б. Л. Ванникову. Схожая судьба у К. А. Мерецкова, будущего маршала Советского Союза, освобождённого из тюрьмы на Лубянке 28.08.1941 года и назначенного командующим 7-й армией на Карельском фронте.

Бывали такие счастливые исключения. Обычно они распространялись на специалистов, в которых очень нуждались военная промышленность и вооружённые силы.

Выше уже было сказано, что из Москвы в г. Куйбышев было вывезено 25 заключенных, которых, как пишет советский писатель В. В. Карпов, "готовили в качестве участников грандиозного процесса, похожего на "военный заговор" 1937–1938 годов..." (Карпов В. В. Генералиссимус. Историко-документальное издание. Кн. 1. М., 2002, с. 433–434).

Тогда враг стоял у стен Москвы, и не время было проводить подобный процесс, прежде всего по политическим соображениям. Поэтому и было принято решение (предписание Л. П. Берии от 18.10.1941 года) о расстреле "генералов-заговорщиков" и некоторых партийных руководителей.

В военно-исторической литературе это событие получило у одних исследователей название “дело авиаторов” (Соколов Б. В. Истреблённые маршалы. Указ. изд., с. 425), у других – “заговор военных”. Например, в научно-справочном издании “Большая Российская энциклопедия: в 30 тт. (т. 4. М., 2006) в биографической справке на Б. Л. Ванникова читаем: “07.06.41 арестован как участник “военного заговора”. По личному указанию И. В. Сталина 26.07.41 (ошибочно, фактически 20 июля. – М. Ф.) освобождён и назначен замнаркома вооружения” (с. 584). Его восстановили в партии и ЦК ВКП(б), вернули звание генерал-майора инженерно-артиллерийской службы. Возможно, накануне и во время войны Ванников относился к числу немногих незаменимых. Сталин это знал.

В чём же мог провиниться нарком вооружения СССР Б. Л. Ванников? “Дело” на него было заведено не в мае-июне 1941 года, а, вероятно, раньше. В 1930–1932 годах он был в командировках в Германии на ружейных заводах Маузера. Тогда многие руководители и специалисты заводов, фабрик и строек приобретали опыт и знания за границей. Все они, естественно, были под контролем органов НКВД.

В феврале 1937 года сразу после смерти своего руководителя – наркома тяжёлой промышленности Г. К. (Серго) Орджоникидзе – Б. Л. Ванников был вызван к наркому внутренних дел Н. И. Ежову. Здесь от него потребовали написать докладную записку о “вредительских” действиях, якобы произведённых С. Орджоникидзе (Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1990, с. 355–356). Сведений о том, как поступил в этом случае Б. Л. Ванников, не имеется. Очевидно другое: Борис Львович с большим уважением относился к С. Орджоникидзе как к руководителю и человеку, их отношения были дружескими.

Позже, будучи наркомом вооружения, он настойчиво (отмечено выше) как профессионал отстаивал свою точку зрения по вопросам вооружения Красной армии, а также защищал специалистов от необоснованных арестов. Некоторые высокие партийные и военные руководители усматривали в этом возможную вредительскую деятельность. Примерно так мог сложиться образ “шпиона” Б. Л. Ванникова к моменту ареста.

Судя по воспоминаниям (других источников нет), существует две версии о том, где был арестован нарком вооружения Ванников. Одна гласит, что в Кремле у Сталина, другая – в рабочем кабинете наркома.

В начале июня 1941 года у Сталина в здании ЦК партии проходило совещание по вопросу ликвидации отставания в производстве артиллерийских снарядов тяжёлого калибра*. В совещании участвовали нарком Госконтроля СССР Л. З. Мехлис, нарком вооружения Б. Л. Ванников, нарком внутренних дел Л. П. Берия и другие.

Вот небольшой фрагмент из воспоминаний участника того совещания, бывшего наркома путей сообщения СССР генерал-лейтенанта И. В. Ковалёва. “Много лет спустя после смерти Сталина, вспоминая тот прискорбный тюремный эпизод, Ванников говорил мне: “Кто им приказал взять меня сразу за дверьми его кабинета? Может, он кнопку нажал? Ты же там сидел, должен был заметить?” Нет, ничего я не видел. И Берия тут сидел и никаких движений не делал. Видимо, Сталин заранее отдал распоряжение насчёт Ванникова” (Куманёв Г. А. Указ. соч., с. 305).

Это наиболее достоверная версия, поскольку сам Борис Львович говорит о ней. Она частично подтверждается высказываниями парторга ЦК, которые приводит Н. З. Трёмасов. “Как-то Ванников собрался в Тулу. Заехал по дороге в Кремль и был арестован. За ним последовательно в КГБ “пошли” его замы и другие высокие чины. Через несколько дней в наркомате стало пусто. По указанию Маленкова Устинов был вызван в Кремль и назначен наркомом вооружения” (с. 382).

Другая версия – в статье журналиста М. Ф. Реброва “Из министров – в “шпионы”, из “шпионов” – в министры”. Со слов сына Ванникова Рафаэля

* Производством таких снарядов занимался наркомат боеприпасов (нарком П. Н. Горемыкин), а наркомат вооружения – орудиями крупного калибра. Возможно, о последних и шла речь на совещании. Воспоминания И. В. Ковалёва были написаны много лет спустя, 28.05.1988, и переданы профессору Г. А. Куманёву. В них могла быть ошибка. Это косвенно подтверждается упомянутым выше эпизодом по ленинградскому заводу “Большевик”.

Борисовича, участника Великой Отечественной войны, описываются обстоятельства ареста, нахождения в тюрьме на Лубянке и освобождения Б. Л. Ванникова. В основном это достоверное изложение драматического эпизода в его жизни, кроме места ареста.

М. Ф. Ребров пишет: “В кабинет без стука вошли двое и предложили следовать за ними. Куда? Он не спрашивал, но предчувствие не обмануло: его берут...” (Ребров М. Ф. Из “министров” – в “шпионы”, из “шпионов” – в “министры” // “Спутник”, 1995, №10, с. 114).

Частично эпизод ареста подтверждается воспоминаниями Д. Ф. Устинова (с 09.06.41 года – нарком вооружения*.) – М. Ф.)

Он пишет: “На понедельник, 9 июня 1941 года, у нас на заводе было намечено открытие нового дома отдыха.

...я задал вопрос, который возник у меня ещё вчера, после разговора в кабинете Маленкова:

– А где Ванников?

– Борис Львович уехал, ничего никому не сказав.

Шестую страницу газеты (“Правда” от 09.06.41 года. – М. Ф.), где в хронике сообщалось, что Б. Л. Ванников освобождён от поста наркома вооружения, ни я, ни Рябиков (первый замнаркома вооружения. – М. Ф.) к тому моменту ещё не читали.

Позднее мы узнали, что Б. Л. Ванников был арестован” (Устинов Д. Ф. Указ. соч., с. 112).

В другом источнике находим: “07.06.1941 <года> Ванников был арестован, а через два дня официально снят с должности наркома. Причиной стало то, что он “не справился с работой” (Залесский К. А. Указ. соч. Кн. 1, с. 100).

Наверно, многие, кто хорошо знали Б. Л. Ванникова по работе, были немало удивлены, прочитав в газете “Правда” причину снятия с поста наркома вооружения. Хотя критики по работе наркомата вооружения не было ни на XVIII партконференции, ни на последнем расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в конце мая 1941 года.

Время было сложное и противоречивое. Никто никому не гарантировал ни личной, ни политической неприкосновенности, несмотря на должностное положение и заслуги перед государством.

Знаменитых людей, а также генералов и маршалов арестовывали по личному указанию И. В. Сталина. Органами НКВД разрабатывался индивидуальный сценарий, чтобы создать элемент неожиданности, предотвратить огласку и возможность сопротивления. Например, генерал армии К. А. Мерецков был арестован на второй день войны прямо на вокзале в Москве и препровождён на Лубянку (Шевеленко А. Я. Кирилл Афанасьевич Мерецков. // Вопросы истории. 2000, №4, с. 77).

Итак, несмотря на огромные трудности, просчёты и ошибки, благодаря самоотверженному труду советских людей, повседневным заботам партии и правительства во главе с И. В. Сталиным, удалось сделать многое для укрепления обороны страны, но не всё. Заключив договор с Германией, СССР выиграл 22 месяца драгоценного времени. Была увеличена численность вооружённых сил, частично реорганизована и перевооружена армия. Расширено военное производство, созданы новые образцы военной техники и вооружения. Отодвинуты на 250–300 километров западные границы, а на северо-западе – на 150 км от Ленинграда, что позволило улучшить стратегическое положение страны.

К предстоящей войне промышленность вооружения, несмотря на организационные и технологические трудности и просчёты, была хорошо подготовлена. Она имела большую и прочную материально-техническую базу,

* Назначение Д. Ф. Устинова оказалось весьма удачным. В течение всей войны он показал себя крупным организатором военного производства и талантливым инженером. Все задания ГКО СССР по обеспечению Красной армии и флота артиллерийским и стрелковым вооружением Наркоматом вооружения были успешно выполнены. После войны вся его плодотворная деятельность на высоких военных, государственных и партийных постах была связана с укреплением обороноспособности СССР. Высшее руководство страны высоко оценило заслуги Д. Ф. Устинова в этом важнейшем деле. Он был удостоен высоких званий: Героя Социалистического Труда (1942, 1961), маршала Советского Союза (1976) и Героя Советского Союза (1978). Был лауреатом Сталинской (1953), Ленинской (1982) и Государственной (1983) премий (Залесский К. А. Кн. 2. Указ. соч., с. 595).

подготовленные высококвалифицированные кадры руководителей, инженеров, техников и рабочих.

Забегая вперёд, скажем, что уже с первых месяцев войны стал ясен, как никогда ранее, огромный масштаб работы, проделанной в предвоенные годы Наркоматом вооружения во главе с Б. Л. Ванниковым и руководством заводов. О том времени замнаркома вооружения В. Н. Новиков пишет: "... За первые три месяца войны, когда последствия эвакуации ещё не так были значительны, выпуск пистолетов и револьверов увеличился в 1,5 раза, винтовок – в 2 раза, крупнокалиберных пулемётов – почти в 5 раз, пулемётов Максим – в 7,5 раза, пистолетов-пулемётов Шпагина – в 9,2 раза, некоторых видов орудий – в 1,5–2 раза и т. д." (Новиков В. Н. Указ. соч., с. 379).

Все военные заводы были переведены на режим военного времени (полная трёхсменная работа и непрерывная неделя).

Несмотря на эвакуацию 32 заводов в глубокий тыл, Наркомат вооружения (нарком Д. Ф. Устинов) в тяжелейших условиях войны к лету 1942 года восстановил производство на новых местах, перепрофилировал ряд гражданских предприятий и стал наращивать выпуск артиллерийского и стрелкового вооружения, всё полнее удовлетворяя возрастающие потребности Красной армии и флота.

Партия и правительство высоко оценили труд вооруженцев. Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 июня 1942 года "За исключительные заслуги перед государством в деле организации производства, освоения новых видов артиллерийского и стрелкового вооружения и умелое руководство заводами" звание Героя Социалистического Труда было присвоено директорам заводов Быховскому Абраму Исаевичу, Гонору Льву Робертовичу, Елян Амо Сергеевичу, народному комиссару вооружения Устинову Дмитрию Фёдоровичу, бывшему заместителю наркома вооружения, народному комиссару боеприпасов Ванникову Борису Львовичу, заместителю наркома вооружения Новикову Владимиру Николаевичу (Новиков В. Н. Указ. соч., с. 377).

Первыми в указе названы фамилии директоров крупнейших артиллерийских заводов в Перми, Сталинграде и Горьком, а затем – тогдашнего наркома вооружения Д. Ф. Устинова и его заместителя В. Н. Новикова, ранее возглавлявших крупные предприятия. И это неслучайно. Вся тяжесть работы по выполнению заданий ГКО и груз персональной ответственности за их выполнение в суровых условиях войны лежали, в первую очередь, на них. Участвуя в подготовке указа по поручению И. В. Сталина, Б. Л. Ванников высоко оценил работу каждого, особенно выделив первых. Он хорошо знал их по совместной работе, посещая эти и другие заводы.

Свою первую высокую государственную награду Б. Л. Ванников получил за умелое руководство наркоматом вооружения и успешное начало работы на сложном и ответственном посту наркома боеприпасов СССР. Будут ещё две (1949, 1954), но уже за героические дела в Атомном проекте СССР. Вот так работал Б. Л. Ванников и другие "сталинские наркомы" в предвоенные и военные годы вместе со всем народом, самоотверженным трудом создавая промышленную и военную мощь СССР – фундамент Победы 9 мая 1945 года.

После окончания войны многие из них, как и прежде, напряжённо трудились, участвуя в работах по Атомному проекту, который завершился созданием атомной промышленности и успешными испытаниями первых советских атомной и водородной бомб в 1949 и 1953 годах. Так было положено начало созданию ракетно-ядерного щита современной России.

Судьба страны воплощается в судьбах отдельных людей. И одна из них – легендарного наркома (с 1946 года – министра) Бориса Львовича Ванникова, одного из выдающихся организаторов и руководителей оборонной и атомной промышленности СССР, трижды Героя Социалистического Труда, двукратного лауреата Сталинской премии, генерал-полковника инженерно-артиллерийской службы. Он всю свою жизнь посвятил делу укрепления оборонной мощи нашей Родины, пройдя тернистый путь от слесаря до государственного деятеля.